

III.

Христіанская религія со времени перваго вселенскаго собора. Внесъ ли первый вселенскій соборъ что либо новое въ христіанскую религію? Союзъ христіанской церкви съ государствомъ при Константинѣ Великомъ. Ученіе о государственной власти. Противна ли государственная власть какъ таковая духу ученія Спасителя? Какъ нужно понимать тѣ слова Іисуса Христа, на основаніи которыхъ враги государственной власти утверждаютъ, что Онъ отрицалъ власть? Откуда ведетъ свое начало ученіе Православной Церкви о Божественномъ установленіи власти? Св. Константинъ — первый христіанскій императоръ. Личный характеръ Константина. Война, какъ одно изъ печальныхъ явленій соціально-общественной жизни. Причины войнъ по сужденіямъ Л. Толстого въ «Церкви и государствѣ» и въ статьѣ «О кампаніи 12-го года». Какъ смотритъ на войну Христіанская Церковь? Можно ли винить Церковь за то, что она не запрещаетъ войнъ.

Какимъ же образомъ, по мнѣнію Толстого, Церковь изъ простаго понятія перешла въ «дѣло и дѣло обмана»? Толстой отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: «Обманъ этотъ старый, и онъ начался не изъ однихъ выгодъ частныхъ лицъ; нѣтъ такого человѣка изверга, который бы рѣшился это дѣлать, если бы онъ былъ первый и если бы не было другихъ причинъ. Причины, приведшія къ этому, были не добрыя. «По плодамъ ихъ узнаете ихъ». Начало было зло, ненависть человѣческая, гордость, вражда противъ Арія и другихъ, и другое еще большее зло—соединеніе христіанъ съ властью. Константинъ царь, по языческимъ понятіямъ стоящій на высотѣ величія чело-вческаго, принимаетъ христіанство, подаетъ примѣръ всему народу, обращаетъ народъ и подаетъ руку помощи противъ еретиковъ и устанавливаетъ посредствомъ вселенскаго собора единую, правую христіанскую вѣру. Христіанская ка-ѳолическая вѣра установлена навсегда. Такъ естественно было поддаться на этотъ обманъ, и до сихъ поръ еще такъ вѣ-руютъ въ спасительность этого событія. А это было то собы-

тіе, гдѣ большинство христіанъ отреклось отъ своей вѣры и пошло по языческой дорогѣ, по которой идетъ до сихъ поръ Карлъ Великій, Владиміръ продолжаютъ то же». Итакъ, прежде всего Церковь сдѣлалась обманомъ по утвержденію Толстого, потому, что царь Константинъ созвалъ вселенскій соборъ, который провозгласилъ вмѣсто истинной христіанской вѣры вѣру ложную, языческую. Но такъ ли? Внесъ ли первый вселенскій соборъ въ христіанскую вѣру что либо новое? Догматическій вопросъ, занимавшій вниманіе отцевъ Никейскаго вселенскаго собора, состоялъ въ томъ, нужно ли признавать Сына Божія Богомъ равночестнымъ съ Богомъ Отцемъ, или лишь совершеннѣйшею изъ тварей, или же хотя и признавать Его Богомъ, но неравнаго достоинства съ Отцемъ. Рѣшеніе отцевъ собора состояло, какъ извѣстно, въ утвержденіи единосущія Сына Божія со Отцемъ. «Вѣруемъ, читаемъ мы въ Никейскомъ вѣроопредѣленіи, во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всѣхъ видимыхъ и не видимыхъ. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божія, едиnorodнаго, рожденнаго отъ Отца, т. е. изъ сущности Отца, Бога отъ Бога, Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна не сотворенна, единосущаго Отцу, имъ же вся быша, яже на небеси и на земли». Развѣ это вѣроопредѣленіе заключаетъ въ себѣ что либо новое? Развѣ вѣра въ бытіе личнаго Бога и въ Божество Христа не была исповѣдуема христіанами первыхъ трехъ вѣковъ? Сказать это можетъ только или тотъ, кто ни разу не слыхалъ объ ученіи Иисуса Христа, и апостоловъ,—объ ученіи отцевъ и учителей Церкви первыхъ трехъ вѣковъ мы уже не говоримъ,—или же тотъ, кто не стѣсняется говорить явную ложь...

Да и могли ли бы возникнуть Аріанскіе споры, если бы ученіе о единосущіи Сына Божія съ Отцемъ не было извѣстно христіанамъ до Никейскаго собора? Ересь Арія является результатомъ безсильнаго, разума уяснить то, что изначала принималось на вѣру. Правда, и ратовавшіе противъ лжеученія Арія отцы и учителя Церкви отчасти старались выяснить догматы о единосущіи Сына Божія съ Отцемъ при помощи разума, но обладая мышленіемъ несравненно болѣе

крѣпкимъ и осторожнымъ, чѣмъ ихъ противникъ, они и основанія въ пользу своего ученія представили болѣе глубокія и предѣлы для разума въ изложеніи тайнъ вѣры обозначили съ большею ясностію и опредѣленностію. Бывшіе на соборѣ епископы, а также и императоръ Константинъ естественно должны были стать на сторону противниковъ Арія. Въ пользу ученія послѣднихъ говорило какъ вѣрованіе всей Церкви, основанное на священномъ Писаніи, такъ и здравая логика. Вѣроопредѣленіе собора является ни чѣмъ инымъ, какъ краткимъ формулированіемъ уясненнаго посредствомъ разума вѣрованія христіанской Церкви.

Вторымъ условіемъ, будто бы способствовавшимъ извращенію христіанской религіи, служило, по утверженію Толстого, принятіе христіанской вѣры властію. Этотъ выводъ Толстого вытекаетъ изъ той предвзятой идеи, что Христосъ отрицалъ власть. Но подобнаго рода воззрѣніе крайне ошибочно. Его держатся люди, судящіе объ ученіи Христа по отдѣльнымъ выраженіямъ. Слова Спасителя, на которыя ниже ссылается Л. Толстой, вовсе не заключаютъ въ себѣ отрицанія власти. Вотъ эти слова: «Вы знаете, что князья народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими. Но между вами да не будетъ такъ: а кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ вамъ слугою,—и кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ, такъ какъ Сынъ человѣческій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ». (Мѡ. 20, 25—28). Здѣсь Христосъ вооружается не противъ самой власти, а противъ злоупотребленія ею. Власть, созданная исторіей, не можетъ быть уничтожена никакими силами. Коль скоро люди начали жить обществомъ, они неминуемо должны были признать необходимость власти: ея требуетъ общественный строй. Ратовать противъ власти какъ только власти, это значитъ, по нашему мнѣнію, попусту упражняться въ краснорѣчіи.

Спаситель никогда не касался внѣшнихъ учрежденій общественной жизни. Всѣ установленія царства Божія, преподанныя Имъ, касаются исключительно духовной жизни людей, не касаясь никакихъ учрежденій древняго міра. Онъ хотѣлъ возродить,

создать новаго духовнаго человѣка, чтобы этотъ возрожденный и обновленный человѣкъ, по мѣрѣ освобожденія его чрезъ познанія истины пересоздалъ весь внѣшній строй жизни древняго общества. Пересозданіе это нужно понимать не въ смыслѣ уничтоженія власти, — законность ея Иисусъ Христосъ утвердилъ Своимъ отвѣтомъ фарисеямъ и иродіанамъ, обратившимся къ Нему съ вопросомъ, нужно ли платить дань Кесарю, — а въ смыслѣ проникновенія власти духомъ христіанства. Сама по себѣ власть не есть зло. Зломъ она дѣлается тогда, когда ея представителями овладѣвають корыстные эгоистическіе расчеты, препятствующіе имъ видѣть въ подчиненныхъ имъ людямъ живыхъ личностей, имѣющихъ совершенно одинаковыя съ ними духовныя права. Виновата здѣсь такимъ образомъ не власть, а нравственная испорченность человѣка. Если бы какимъ нибудь чудомъ всѣ власти на землѣ были уничтожены, а люди остались бы съ тѣми же пороками, то жизнь человѣчества отъ этого не только не улучшилась бы, но ухудшилась. Человѣческія страсти, не сдерживаемыя внѣшнею силою, непременно привели бы людей къ гибели. Задача власти, по ученію Іисуса Христа, должна состоять въ заботѣ о благѣ подданныхъ, причемъ на послѣднихъ начальники должны смотрѣть не какъ на безправныхъ личностей, а какъ на братьевъ. Высшая должность не даетъ человѣку права злоупотреблять властію. Какъ высшій, такъ и низшій одинаково равны предъ Богомъ, ибо всѣ Его дѣти¹⁾. Теперь спрашивается, почему же начальники не могутъ быть христіанами, что утверждаетъ Толстой? Неужели начальник не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ? Мы знаемъ, что Іисусъ Христосъ былъ учителемъ и наставникомъ Своихъ учениковъ. Отношеніе Его къ нимъ было отношеніемъ начальника или Господа (Іоан. 13, 13). Однако это нисколько не препятствовало Ему называть ихъ Своими братьями и доказывать эти слова дѣломъ.

¹⁾ Болѣе подробно ученіе Іисуса Христа о государственной власти мы изложили въ своей статьѣ «Языческая и христіанская жизнь нашихъ предковъ», напечатанной въ «Воскресномъ Чтеніи» за 1888 годъ № 8—11.

Но Толстой, отвергнувъ возможность для начальника сдѣлаться христіаниномъ, старается доказать свое мнѣніе историческими фактами. «Для того, чтобы ясно понять это, пишетъ онъ, надо забыть всё тѣ фантазіи, въ которыхъ мы старательно воспитываемся, и прямо спрашивать о значеніи тѣхъ наукъ историческихъ и юридическихъ, которымъ насъ учатъ. Основъ эти науки не имѣютъ никакихъ; всё эти науки не что иное, какъ апологія насилія. Пропустивъ исторію Персовъ и Мидянъ и т. д., возьмемъ исторію того государства, которое первое составило союзъ съ христіанствомъ». Здѣсь Толстой бросаетъ грязью въ историческія и юридическія науки. Мы не станемъ вступать съ нимъ въ полемику по этому вопросу, а скажемъ только, что онъ, видя у своего брата сучекъ въ глазу, не замѣчаетъ у себя бревна: обличая историковъ и юристовъ въ защитѣ ими якобы насилія, онъ самъ дѣлаетъ изъ исторіи какую то сказку, которой могутъ повѣрить развѣ только малолѣтніе дѣти, да невѣжественная масса. Послушаемъ же его философствованіе въ области исторіи:

Константинъ, начитавшись книгъ и пресытившись жизнью, предпочелъ нѣкоторые догматы христіанства прежнимъ вѣрованіямъ; принесенію людскихъ жертвъ онъ предпочелъ обѣдню, почитанію Аполлона, Венеры и Зевса онъ предпочелъ единого Бога съ Сыномъ Христомъ и велѣлъ ввести эту вѣру между тѣми, которыхъ онъ держалъ подъ своею властью». Каково пониманіе исторіи! Видите, какъ легко Л. Толстой объяснилъ то, надъ чѣмъ лучшіе историки положили столько труда! Видите, какъ просто онъ раскрылъ и уяснилъ тотъ великій переворотъ, который совершился въ государственно-общественной жизни въ правленіе царя Константина! Какъ просто и несложно послѣ глубокомысленныхъ выясненій Толстого представляется принятіе христіанской вѣры какъ самымъ Константиномъ, такъ и его подданными! Константинъ принялъ христіанство потому, что начитался книгъ и пресытился жизнью, а его подданные—потому, что онъ приказалъ имъ. Но не самъ ли Толстой говорилъ раньше, что человѣку: нельзя навязать вѣры насильно? Не самъ ли Толстой утверждалъ когда-то, что воля одного человѣка не можетъ про-

известі переворота въ жизни цѣлаго народа? ¹⁾ Какъ же онъ утверждаетъ теперь совершенно противное?.. Мы съ своей стороны считаемъ излишнимъ выяснять мотивы, побудившіе Константина принять христіанскую вѣру. По поводу этого событія слишкомъ много было писано ²⁾, и намъ пришлось бы только повторять старое. Поэтому послушаемъ лучше дальнѣйшія разсужденія Толстого о Константинѣ Великомъ: «Цари властвуютъ надъ народами, между вами да не будетъ такъ: не убій, не прелюбодѣйствуй; не имѣй богатствъ, не суди, не принуждай, терпи зло—всего этого никто не сказалъ ему. А ты хочешь называться христіаниномъ и продолжать быть атаманомъ разбойниковъ, бить, жечь, блудить, воевать, казнить, роскошествовать? Можно». Изъ какихъ это источниковъ Толстой почерпнулъ свѣдѣнія, будто христіанскіе пастыри разрѣшили Константину бить, жечь, блудить, казнить и дѣлать вообще всѣ мерзости? Быть можетъ, Толстой открылъ какой-нибудь древній памятникъ, на основаніи котораго говорить такъ. Вѣдь тогда нужно сослаться на него. Теперь прошли тѣ времена, когда всякій мнѣе принимался за истину. Не всѣ люди вѣрятъ всякому вздору..... «И они устроили ему христіанство, продолжаетъ Толстой, и устроили очень покойно, даже такъ, что нельзя было ожидать. Они предвидѣли, что онъ, прочтя Евангеліе, можетъ хвалиться, что тамъ требуется все это, т. е. жизнь христіанская, кромѣ построенія храмовъ и хожденія въ нихъ. Они предвидѣли и внимательно устроили ему такое христіанство, что онъ могъ, не стѣсняясь, жить по старому, по язычески». Итакъ, Константину «попы» не показали даже Евангелія. Они научили его какому то безнравственному христіанству. Константинъ же, такъ выходитъ изъ сужденій Толстого, оказался настолько простъ, что повѣрилъ «попамъ» на слово и не поинтересовался узнать, чему училъ Христосъ, въ Кото-

¹⁾ «Война и миръ», т. V, ч. 2-я, гл. IV, стр. 188—190, ч. 3-я, стр. 256—263. «Статьи о кампаніи 12-го года».

²⁾ Въ нашей церковно-исторической литературѣ первое мѣсто въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отнести почтенному профессору Московской духовной академіи А. Лебедеву.

раго онъ увѣровалъ. Между тѣмъ раньше Толстой говорилъ, что Константинъ много читалъ, и что однимъ изъ мотивовъ, побудившихъ его принять христіанство былъ тотъ, что онъ «начитался книгъ». Какъ же начитанный Константинъ, слыша отъ «поповъ», будто Христосъ разрѣшалъ всякія мерзости, не могъ догадаться, что «попы» лгали? Намъ думается, Константину немного нужно было имѣть соображенія, чтобы понять, что если такимъ безнравственнымъ ученіемъ будутъ руководиться люди, то жизнь сдѣлается невозможною. Люди непременно должны погибнуть. Да и зачѣмъ Константину, «пресытившемуся жизнію», нужно было мѣнять свою прежнюю вѣру на вѣру христіанскую, которая не только не запрещала жизни, а напротивъ даже поощряла къ ней? Толстой оставляетъ всѣ эти вопросы безъ отвѣта и очевидно впадаетъ въ противорѣчіе.

Но ложь всегда рано или поздно откроется. Ложь Толстого обнаружилась очень скоро. Объявивъ вопреки истинѣ, что по ученію православной Церкви смерть Иисуса Христа даетъ людямъ право вести жизнь порочную, онъ вслѣдъ за этимъ замѣчаетъ насмѣшливо, что царя Константина, когда онъ принялъ христіанскую вѣру, пастыри Церкви старались расположить къ исполненію только двухъ обязанностей: покаянію во грѣхахъ и вкушенію Евхаристическихъ даровъ. Но спросимъ Толстого; какимъ образомъ христіанскіе пастыри могли располагать Константина къ покаянію? Вѣдь покаяніе имѣетъ смыслъ тогда только, когда человѣкъ сознаетъ, что онъ грѣшенъ. Для человѣка, не сознающаго себя грѣшникомъ, покаяніе невозможно. А могъ ли сознавать себя грѣшникомъ Константинъ, которому тѣ же «попы» внушали, что «отъ того, что Христосъ умеръ, онъ—Константинъ можетъ жить какъ хочетъ» (sic)?

Дальнѣйшія глумленія Толстого надъ Православною Церковью стоятъ въ противорѣчій съ исторіей. «Мало того, пишетъ Толстой, они (христіанскіе пастыри) власть его освятили и сказали, что онъ отъ Бога, и помазали его масломъ». Если бы Константинъ былъ такимъ, какимъ изображаетъ его Толстой, то Онъ не былъ бы способенъ на такія возвышенныя дѣйствія, которыми ознаменовалъ свое царствованіе Константинъ. Да-

ровать всѣмъ религіямъ права на существованіе,—объ этомъ мы имѣли уже случай говорить,—могъ только такой императоръ, который вмѣстѣ съ развитымъ умомъ имѣлъ и доброе сердце.

Но Константинъ извѣстенъ не тѣмъ только, что онъ далъ равноправность всѣмъ религіямъ. Онъ былъ и истиннымъ христіаниномъ. Объ его милосердіи повѣствуютъ всѣ тогдашніе историки. Такъ Евсевій пишетъ, что царь «судить всѣхъ, но иногда, чтобы кто-либо, ради отнятой у него части имѣнія, не вышелъ изъ суда печальнѣе того, который взялъ ее, онъ весело одарялъ побѣжденныхъ изъ собственной своей казны» ¹⁾. Онъ раздавалъ, говорить тотъ же Евсевій, деньги бѣднымъ, также былъ человеколюбивъ и оказывалъ благодѣянія приходившимъ къ нему иновѣрцамъ; нищихъ и отверженныхъ, собирающихъ милостыню на площадяхъ, приказалъ снабжать не только деньгами и необходимою пищею, но и приличною одеждою... О дѣтяхъ, подвергшихся несчастію сиротства, заботился онъ вмѣсто отца и проч. ²⁾. Убѣждалъ свои войска падать плѣнныхъ, чтобы, будучи людьми, они не забывали о родственной природѣ людей. Если же иногда видѣлъ, что ярость его воиновъ неукротима, то укрощалъ ее деньгами, повелѣвъ каждому непріятельскаго воина, взятаго живымъ, оцѣнивать опредѣленнымъ вѣсомъ золота ³⁾. На строгое осужденіе, высказанное призваннымъ на соборъ новаціанскимъ епископомъ Акесіемъ, о не принятіи снова въ церковное общеніе согрѣшившихъ постѣ крещенія, Константинъ высказалъ также глубокое человеколюбіе, отвѣтивъ Акесію: «Поставь лѣстницу, Акесій, и взойди одинъ на небо» ⁴⁾.

О кротости Константина Евсевій свидѣтельствуемъ слѣдующее: «Нѣкоторые негодовали даже и на него; но онъ сносилъ это незлобиво и въ спокойныхъ кроткихъ выраженіяхъ повелѣвалъ имъ не возмущаться, но быть разсудитель-

¹⁾ «Жизнь Конст.» IV, 4.

²⁾ Ibid., IV, 4.

³⁾ Ibid., II, 13.

⁴⁾ Сократъ. «Церков. истор.», гл. X.

нѣе. Одни изъ такихъ людей, вразумленные его убѣжденіями, перемѣнились, а другихъ, не хотѣвшихъ придти къ здоровому образу мыслей, онъ предоставилъ суду Божію, самъ же никого и ничѣмъ не оскорблялъ» ¹⁾.

Если къ свидѣтельствамъ историковъ присоединить еще проникнутыя любовію и кротостію письма и рѣчи самаго Константина, которыя онъ писалъ и произносилъ во время перваго вселенскаго собора ²⁾, то можно сказать, что возвышенность и благородство души Константина такъ ясно и полно засвидѣтельствованы исторіей, что всякая попытка чѣмъ нибудь зачернить его, а тѣмъ болѣе низвести его въ разрядъ людей порочныхъ, какъ дѣлаетъ это Толстой, представляется намъ болѣе чѣмъ странной.

Что касается ученія Православной Церкви о власти, какъ Божественномъ установленіи, то начало его восходитъ вовсе не ко времени Константина; его проповѣдывали еще апостолы. Вотъ что читаемъ мы въ посланіи апостола Павла къ Римлянамъ: «Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ, ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божію установленію. А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе. Ибо начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро, и получишь похвалу отъ нея. Ибо начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся, ибо онъ не напрасно носитъ мечъ; онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое. И потому надо повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по со-

¹⁾ «Жизнь Конст.», I, 25.

²⁾ См. «Дѣянія всел. соборовъ», т. I.

Желающихъ имѣть болѣе полныя свѣдѣнія о личномъ характерѣ Константина мы отсылаемъ къ прекрасной статьѣ профессора Лебедева «Торжество христіанства надъ язычествомъ при Константинѣ Великомъ», напечатанной въ прибавленіяхъ къ «Твореніямъ св. отцевъ» 1885 г. кн. I.—Въ этой статьѣ проф. Лебедевъ довольно подробно разбираетъ сочиненія, авторы которыхъ стараются унижить личныя достоинства Константина Великаго.

Болѣе популярное сочиненіе того же профессора о Константинѣ Великомъ напечатано въ «Душеполезномъ Чтеніи» за 1887 г.

вѣсти. Для сего вы и подати платите, ибо они Божіи служители симъ самымъ постоянно заняты». (Рим. 13, 1—6). Въ первомъ посланіи къ Тимоѳею тотъ же апостоль пишетъ. «И такъ прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за всѣхъ человѣковъ, за царей и за всѣхъ начальствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ; ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу». (1 Тим. 2, 1—3). Апостоль Петръ въ своемъ первомъ соборномъ посланіи наставляетъ вѣрующихъ: «Будьте покорны всякому человѣческому началству для Господа: царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро. Ибо такова есть воля Божія, чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей, какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи. Всѣхъ почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите». (1 Петр. 2, 13—17).

Ученіе апостоловъ о государственной власти обосновывалось, нѣтъ сомнѣнія, на священныхъ ветхозавѣтныхъ книгахъ, боговдохновенность которыхъ засвидѣтельствована Иисусомъ Христомъ. Самъ Спаситель во время Своей проповѣди не касался вопроса о происхожденіи власти. Но принимая во вниманіе весь духъ Его ученія, мы съ достовѣрностію можемъ сказать, что Онъ смотрѣлъ на государственную власть какъ на установленіе Божественное. По Его ученію все, что только происходитъ въ мірѣ, происходитъ съ участіемъ воли Божественной. Безъ воли Отца Небеснаго не можетъ вырасти ни одна былинка травы (Мѡ. 6, 28—30), не можетъ упасть ни одна малая птица. А у человѣка сочтены Богомъ даже всѣ волосы на головѣ (Мѡ. 10, 30). Поэтому, можно ли предположить, чтобы во власти государственной Иисусъ Христосъ видѣлъ такое явленіе, которое совершилось помимо воли Божественной?...

Но, смотря на власть, какъ на Божественное установленіе, христіанская Церковь никогда не учила, что пороки, въ которые впадаютъ представители власти—также отъ Бога. Тол-

стого соблазняетъ помазаніе Церковію царствующихъ особъ мѣромъ въ виду пороковъ, которые въ послѣдствіи обнаруживаются въ ихъ жизни. Но мы должны сказать Толстому, что помазуя вступающихъ на царство лицъ Св. мѣромъ, Православная Церковь освящаетъ не дѣла ихъ, а власть, которую они принимаютъ. Толстой легко могъ бы убѣдиться въ этомъ если бы потрудился только прочесть чинъ коронованія.

Опуская кощунственные выраженія Толстого о властяхъ, мы остановимъ свое вниманіе на его разсужденіяхъ о войнѣ. По его мнѣнію, всѣ войны происходятъ потому, что у царствующихъ лицъ является иногда желаніе побить чужой и свой народъ. Захочетъ, такъ выходитъ изъ его словъ, стоящее во главѣ управленія лицо пролить кровь человѣческую и идти войною на какой нибудь народъ. Пастыри же христіанскіе, вмѣсто того, чтобы осуждать такіе поступки правителей, покровительствуютъ имъ.

Прежде всего замѣтимъ, что Толстой, объясняя войны исключительно одною только волею верховныхъ правителей, забываетъ, что раньше онъ самъ смѣялся надъ историками, дающими такое объясненіе войнамъ.

Послушайте, что онъ говоритъ въ своей статьѣ «О кампаніи 12 года»: «Въ 1789 году поднимается броженіе въ Парижѣ; оно растетъ, разливается и выражается движеніемъ народовъ съ Запада на Востокъ. Нѣсколько разъ движеніе это направляется на Востокъ, приходитъ въ столкновеніе съ противодвиженіемъ съ Востока на Западъ; въ 12 году оно доходитъ до своего крайняго предѣла—Москвы, и, съ замѣчательной симметрией, совершается противодвиженіе съ Востока на Западъ, точно такъ же, какъ и въ первомъ движеніи, увлекающая за собою срединные народы...

«Въ этотъ 20-лѣтній періодъ времени огромное количество полей не паханы, дома сожжены; торговля перемѣняетъ направленіе; милліоны людей бѣднѣютъ, богатѣютъ, переселяются и милліоны людей-христіанъ, исповѣдающихъ законъ любви ближняго, убиваютъ другъ друга.

«Что такое все это значитъ? отчего произошло это? что заставляло этихъ людей сжигать дома и убивать себѣ подобныхъ?

Какія были причины этихъ событій? Какая сила заставила людей поступать такимъ образомъ? Вотъ невольные, простодушные и самые законные вопросы, которые предлагаетъ себѣ человѣкъ, натыкаясь на памятники и преданія прошедшаго періода движенія.

«Новая наука исторіи, отвѣчая на эти вопросы, говоритъ: вы хотите знать, что значить это движеніе: отчего оно произошло и какая сила произвела эти событія! Слушайте.

«Людовикъ XIV былъ очень гордый и самонадѣянный человѣкъ; у него были такія то любовницы и такіе то министры, и онъ дурно управлялъ Франціей. Наслѣдники Людовика тоже были слабые люди и тоже дурно управляли Франціей. И у нихъ были такіе то любимцы и такія то любовницы. Притомъ, нѣкоторые люди писали въ это время книжки. Въ концѣ XVIII столѣтія, въ Парижѣ собралось десятка два людей, которые стали говорить о томъ, что всѣ люди равны и свободны. Отъ этого во всей Франціи люди стали рѣзать и топить другъ друга. Люди эти убили короля и еще многихъ. Въ это же время во Франціи былъ геніальный человѣкъ—Наполеонъ. Онъ вездѣ всѣхъ побѣждалъ, т. е. убивалъ много людей, потому—что онъ былъ очень геніаленъ. И онъ поѣхалъ убивать для чего-то африканцевъ и такъ хорошо ихъ убивалъ и былъ такой хитрый и умный, что, приѣхавъ во Францію, велѣлъ всѣмъ себѣ повиноваться. И всѣ повиновались ему. Сдѣлавшись императоромъ, онъ опять пошелъ убивать народъ въ Италіи, Австріи и Пруссіи. И тамъ много убилъ. Въ Россіи же былъ императоръ Александръ, который рѣшился возстановить порядокъ въ Европѣ и потому воевалъ съ Наполеономъ....

«Напрасно подумали бы, что это есть насмѣшка, карриатура историческихъ описаній. Напротивъ это есть самое мягкое выраженіе тѣхъ противорѣчивыхъ и не отвѣчающихъ на вопросы отвѣтовъ, которые даетъ вся исторія, отъ составителей мемуаровъ и исторій отдѣльныхъ государствъ до общихъ исторій и новаго рода исторій культуры того времени».

Разобравъ далѣе отвѣты, даваемые на этотъ вопросъ историками нѣкоторыхъ другихъ направленій, Л. Толстой приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Разсматривая только тѣ

выраженія воли историческихъ лицъ, которыя могли быть отнесены къ событіямъ какъ приказанія, историки полагали, что событія находятся въ зависимости отъ приказаній. Разсматривая же самыя событія и ту связь съ массаи, въ которой находятся историческія лица, мы нашли, что историческія лица и ихъ приказанія находятся въ зависимости отъ событія. Несомнѣннымъ доказательствомъ этого вывода служитъ то, что сколько бы ни было приказаній, событіе не совершится, если на это нѣтъ другихъ причинъ; но какъ скоро совершится событіе,—каково бы то ни было,—то изъ числа всѣхъ безпрерывно выражаемыхъ волей различныхъ лицъ найдутся такія, которыя по смыслу и по времени можно отнести къ событію какъ приказанія.

«Прійдя къ этому заключенію, мы можемъ прямо и положительно отвѣтить на тѣ два существенные вопроса исторіи:

1) Чтò есть власть?

2) Какая сила производитъ движеніе народовъ?

1) Власть есть такое отношеніе извѣстнаго лица къ другимъ лицамъ, въ которомъ лицо это тѣмъ менѣе принимаетъ участія въ дѣйствіи, чѣмъ болѣе оно выражаетъ мнѣній, предположеній и оправданій совершающагося совокупнаго дѣйствія.

2) Движеніе народовъ производятъ не власть, не умственная дѣятельность, даже не соединеніе того и другого, какъ-то думали историки, но дѣятельность всѣхъ людей принимающихъ участіе въ событіи и соединяющихся всегда такъ, что тѣ, которые принимаютъ наибольшее прямое участіе въ событіи, принимаютъ на себя наименьшую отвѣтственность; и наоборотъ.

«Въ нравственномъ отношеніи причиною событія представляется власть; въ физическомъ отношеніи,—тѣ, которые подчиняются власти. Но такъ какъ нравственная дѣятельность немислима безъ физической, то причина событія не находится ни въ той, ни въ другой, а находится только въ соединеніи обѣихъ.

«Или, другими словами, къ явленію, которое мы разсматриваемъ, понятіе причины неприменимо.

«Въ последнемъ анализѣ мы приходимъ къ кругу вѣчности, къ той крайней грани, къ которой во всякой области мысле-

нія приходитъ умъ человѣческой, если не играетъ своимъ предметомъ. Электричество производитъ тепло, тепло производитъ электричество. Атомы притягиваются, атомы отталкиваются.

«Говоря о простѣйшихъ дѣйствіяхъ тепла, электричества или атомовъ, мы не можемъ сказать, почему происходятъ эти дѣйствія и говоримъ, что такова природа этихъ явленій, что это ихъ законъ. Тоже самое относится и до историческихъ явленій. Почему происходитъ война или революція? Мы не знаемъ; мы знаемъ только, что для совершенія того или другаго дѣйствія, люди складываются въ извѣстное соединеніе, и участвуютъ всѣ и мы говоримъ, что такова природа людей, что это законъ (стр. 160—161)».

Насколько эти сужденія Толстого объ историческихъ событіяхъ основательны, мы предоставляемъ судить специалистамъ исторіи ¹⁾. Мы съ своей стороны указали на нихъ съ тою цѣлю, чтобы лучше раскрыть читателямъ ненависть Толстого къ Православной Церкви. Въ порывѣ этой ненависти Толстой не стѣсняется противорѣчить даже себѣ и повторять мнѣнія такихъ историковъ, надъ которыми самъ прежде смѣялся.

Какимъ же образомъ ненависть къ Православной Церкви привела Толстого къ поверхностному и злостному сужденію о царствующихъ лицахъ? Рѣшить это очень просто. Толстому хотѣлось доказать ту мысль, что Православная Церковь считаетъ поставленными отъ Бога такихъ лицъ, которыя въ сущности суть не болѣе ни менѣе, какъ дурные люди. Чѣмъ же подтвердить такой взглядъ на представителей власти? Лучшее средство къ этому—сдѣлать ихъ главными виновниками тѣхъ возмутительныхъ для нравственнаго чувства человѣка общественныхъ явленій, которыя такъ часто бросаются человѣку въ глаза ²⁾. Эти явленія—войны.

Насколько въ войнахъ выражается участіе монарховъ, объ

¹⁾ Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1887 г. помѣщена довольно обстоятельная статья проф. Карѣева объ историч. воззрѣніяхъ Л. Толстого.

«Историческій Вѣстникъ» 1888 г. за мѣсяцъ іюль знакомитъ насъ съ содержанием статьи Альберта Сореля, помѣщенной въ «Revue politique et litteraire» подъ заглавіемъ «Tolstoi historien».

²⁾ Въ частной жизни людей происходятъ часто явленія, которыя въ нравственныхъ отношеніяхъ—возмутительнѣе войнъ.

этомъ мы, какъ сказали уже выше, говорить не будемъ. Это—дѣло историка. Для насъ съ богословской точки зрѣнія болѣе важна другая сторона дѣла, именно: какъ нужно смотрѣть на то обстоятельство, что войны, эти по-истинѣ печальныя и противныя духу Евангельскаго ученія явленія, не прекращаются въ государствахъ и тогда, когда послѣднія дѣлаются христіанскими. Намъ приходится такимъ образомъ разсматривать войну съ чисто нравственной стороны, а не съ социальнo-экономической. Говоря яснѣе, намъ нужно рѣшить не тотъ вопросъ, что сталкиваетъ различныя націи другъ съ другомъ, а тотъ, почему эти столкновенія не разрѣшаются инымъ путемъ, а влекутъ за собою войны, или, что тоже, кровопролитія.

Когда фарисеи спросили Иисуса Христа: почему Моисей разрѣшилъ іудеямъ разводиться съ женами по всякой винѣ, то Онъ отвѣтилъ имъ: «Моисей по жестокосердію вашему позволилъ вамъ разводиться съ женами вашими». (Мѡ. 19, 7—8). Всегда существовавшія и не прекратившія своего существованія и въ настоящее время войны это—результатъ того же жестокосердія людей. Если бы люди были всѣ проникнуты духомъ Евангельскаго ученія и были бы свободны отъ страстей, то, нѣтъ сомнѣнія, войны были бы невысказанными. Тѣ столкновенія, которыя являются у различныхъ націй вслѣдствіе какихъ нибудь недоразумѣній, стали бы рѣшаться не кровью людей, а какими нибудь мирными средствами. Эрнестъ Навиль въ своемъ сочиненіи «Христосъ» выражаетъ надежду, что человѣколюбивыя отношенія между различными націями со временемъ установятся. «Можно законно надѣяться, говоритъ онъ, что отъ дальнѣйшаго распространенія христіанскаго духа, лучшая дипломатія будетъ болѣе заниматься предотвращеніемъ войны, нежели извлеченіемъ изъ нея пользы. Можно надѣяться, что съ полнѣйшимъ сохраненіемъ всѣхъ естественныхъ симпатій, образуется сильный потокъ мнѣнія, который выскажется прежде всего не за Францію и Германію, не за Русскихъ или Турокъ, но за миръ, за Христа, за человѣчество» ¹⁾. Доживетъ ли человѣчество

¹⁾ Христосъ учитель. Чтеніе второе.

до этого благодатнаго времени, рѣшить, конечно, трудно. Намъ пока достовѣрно извѣстно только то, что въ настоящее время всѣ христіанскіе народы, хотя и вышли изъ средне-вѣковаго варварства, когда Церкви приходилось умолять людей не убивать другъ друга въ теченіи четырехъ дней недѣли ¹⁾, однако далеко еще не воплотили въ себѣ духъ исповѣдуемой ими религіи на столько, чтобы могли обойтись безъ войнъ. «Нужно быть», говоритъ тотъ же Эрнестъ Навиль, «очень близорукимъ оптимистомъ, чтобы въ настоящемъ положеніи человѣческихъ условій признать возможность полнѣйшаго уничтоженія столкновеній, бросающихъ народы другъ на друга» ²⁾. И дѣйствительно, кто слѣдитъ за нравственнымъ состояніемъ современныхъ христіанскихъ народовъ, тотъ безъ сомнѣнія нисколько не удивляется тому, что войны не прекращаются. Между христіанами, какъ извѣстно, господствуютъ многіе такіе пороки, которые несравненно возмутительнѣе войнъ.

Отсюда ясно уже, что нападки Толстого на Церковь за то, что она не запрещаетъ войнъ, крайне несправедливы. Сове-

¹⁾ Для большей ясности мы считаемъ не лишнимъ изложить историческія свѣдѣтельства объ этомъ событіи нѣсколько подробнѣе. Въ 989 году въ Пуату, въ монастырѣ Шарру былъ созванъ соборъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Гомбора, на которомъ, въ присутствіи христіанъ обоаго пола, было постановлено: «Если кто завладѣетъ овцой, быкомъ, осломъ, коровою, козломъ, поросенкомъ земледѣльца или другаго бѣдняка, безъ всякой вины съ его стороны, и если не вознаградитъ за убытокъ, то да будетъ проклятъ». Когда это постановленіе было обнародовано, то бароны, гордые грубой силой, возводимой ими въ принципъ, не только не сочли нужнымъ исполнить его, но даже еще болѣе начали злоупотреблять своей силой. вмѣстѣ съ бѣдняками они стали преслѣдовать и духовныхъ лицъ. Тогда Церковь, чтобы хотя сколько нибудь защитить гражданъ отъ насилія, рѣшилась отстаивать своимъ духовнымъ мечемъ, по крайней мѣрѣ извѣстные дни, въ которые бы каждый могъ быть увѣренъ въ спокойствіи отъ грабителей. И вотъ въ половинѣ XI вѣка во Франціи, Бургундіи, Германіи и Италіи было выработано такое постановленіе: «Съ вечера среды до утра понедѣльника никто не долженъ умерщвлять, бить, увѣчить крестьянина, раба или жену его, ни брать, ни уводить ихъ, если эти люди не совершали преступленія. Не должно отнимать одежду у крестьянина. Никто не долженъ сожигать крестьянскіе плуги, ломать оливковыя роши». Но и это постановленіе было не всегда исполняемо. Съ теченіемъ же времени оно совершенно потеряло свою силу. — «Исторія среднихъ вѣковъ» Н. А. Осокина. 1888 г. Стр. 425—426.

²⁾ «Христосъ». Чтеніе второе.

менная христіанская Церковь не въ состояніи это сдѣлать, точно также какъ средневѣковая Церковь не въ состояніи была уничтожить совсѣмъ междоусобныя войны.

Далѣе Толстой старается доказать ту мысль, что болѣе всего искаженію христіанской религіи способствовало соединеніе христіанской Церкви съ государствомъ.

Не станемъ доказывать Толстому, что союзъ Церкви съ государствомъ былъ всегда полезенъ для христіанской религіи. Изъ исторіи Церкви намъ извѣстно, что вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла церковныя приводило часто къ очень печальнымъ результатамъ. Не говоримъ уже про Византійскихъ императоровъ, относившихся къ Церкви не дружелюбно. Даже императоры, ревнующіе о благѣ Церкви, часто дѣлали своимъ вмѣшательствомъ въ ея дѣла зло ей. Извѣстный мыслитель богословъ А. Винѣ († 1847 г.) говоритъ наприимѣръ, что Θεодосій I своимъ покровительствомъ Церкви нанесъ ей болѣе зла, чѣмъ гонитель Юліанъ, такъ какъ онъ предоставилъ свой мечъ въ распоряженіе духовенства, обладавшаго, какъ и всѣ люди, слабостями, а духовенство съ своей стороны легализировало насилія Θεодосія ¹⁾. Это конечно сильное преувеличеніе. Однако нельзя не согласиться, что въ дѣйствіяхъ Θεодосія, Юстиніана и нѣкоторыхъ другихъ многое, что выходило изъ намѣренія благодѣлать Церкви, приносило только вредъ именно потому, что соединялось часто съ помощью бича, а иногда и меча.

Но признавая, что свѣтская власть дѣлала часто зло Церкви, мы не имѣемъ права сказать, что она искажила ученіе христіанской религіи. Правда нѣкоторые императоры дѣлали попытки замѣнить Православную вѣру вѣрой еретической, но ихъ претензіи всегда кончались неудачей. Истинные христіанскіе пастыри всегда одерживали верхъ; и ученіе христіанской религіи продолжало оставаться однимъ и тѣмъ же. «На немъ» скажемъ извѣстными уже намъ словами Пирогова, «цѣлые вѣ-

¹⁾ Essai sur la manifestation de convictions religieuses et sur la separation de l'église et de l'Etat, envisagée comme conséquence nécessaire et comme garantie du principe. Paris. 1842 г. p. 516.

ка тьмы, страстей и неистовствъ не оставили ни единого пятна; кровь и грязь, которыми міръ не разъ старался осквернить идеальную святость и чистоту христіанскаго ученія, стекали потоками назадъ на осквернителей» ¹⁾. Что Пироговъ говоритъ относительно вѣроученія христіанской религіи, то Кавелинъ говоритъ и относительно христіанской этики: «Христіанская этика стоитъ неизмѣримо выше всего, что о ней когда либо было говорено и писано. По своей поразительной глубинѣ и въ то же время простотѣ, она—образецъ совершенства, послѣднее слово этической мудрости, которой яснаго смысла и убѣдительности не могли затемнить ни вольныя, ни невольныя ошибки людей, ни измѣнившіяся обстоятельства, ни расколы и вражды исповѣданій, ни предразсудки и вѣрованія народовъ, принявшихъ христіанство и перенесшихъ на него отчасти свои прежнія міровоззрѣнія. Какъ неприступная скала стоитъ христіанская этика непоколебимо и недосягаемо, высоко посреди всѣхъ волненій и бурь историческаго развитія, и къ ней люди въ концѣ концовъ возвращаются изъ своихъ душевныхъ скитаній, какъ къ единственному средству утolenія скорби и мукъ истерзанной души» ²⁾.

Утвержденіе Толстого, что всякая ересь лучше Православной вѣры,—противно здравому смыслу. Нелѣпность и безнравственность ученія нѣкоторыхъ ересей настолько очевидна ³⁾, что открывать въ нихъ истину можетъ развѣ только Толстой, не стѣсняющійся называть «черное бѣлымъ и бѣлое чернымъ».

Равнымъ образомъ, не менѣе ложно и категорическое заявленіе Толстого, будто еретики и раскольники не прибѣгаютъ къ насилію надъ человѣческой совѣстію. Мы не станемъ ссы-

¹⁾ «Русск. Стар.» 1884 г., № 12. «Посмертныя записки», стр. 467.

²⁾ «Задача этики», стр. 38.

Примѣчаніе. Слова Пирогова и Кавелина важны для насъ тѣмъ, что эти слова не принадлежали къ числу богослововъ, и ихъ никакъ нельзя уже заподозрѣть въ пристрастіи къ Христіанской Церкви. *Авторъ.*

³⁾ См. опытъ историческаго обозрѣнія мистическихъ сектъ въ Россіи въ 4 т. за 1867 г. и во 2 т. за 1868 г. «Труды Кіевской Дух. Акад.».

Интересна также статья М. А. Куллетскаго «Къ вопросу о русскомъ сектанствѣ», помѣщенная въ «Правосл. Обозр.», 1883 г. Мартъ.

латься на древних еретиковъ, а укажемъ на нашихъ отечественныхъ раскольниковъ и сектантовъ (Толстой, по всѣмъ признакамъ, намекаетъ на нихъ). «Кто живаль среди раскольниковъ», говоритъ Иркутскій преосвященный, «тотъ знаетъ какъ тяжело жить между ними православному, особенно обратившемуся изъ раскола. Составляя сплоченныя общины, они силою держать другъ друга въ расколѣ, и горе тому, кто рѣшится измѣнить ему»¹⁾. Распространеніе раскола въ Романовской станицѣ въ прошломъ столѣтіи обязано между прочимъ угрозамъ. Въ 1797 году казаки этой станицы—до 60 домовъ и даже болѣе—«записались въ раскольническіе обряды, чтобы не имѣть при церкви Божіей своего священника, а исправляться во всякихъ мірскихъ требахъ у наѣзжихъ со Иргиза поповъ», потому что приверженцевъ Церкви Божіей «страпають тѣмъ, что кто не будетъ записываться въ старообрядство, тѣхъ писать будемъ въ семейные» (вѣроятно съ переселеніемъ на Кавказъ въ составъ такъ называемыхъ семейныхъ казаковъ)²⁾.

Присоединившаяся къ Православію въ 1873 году якутская скопчиха Марія С—ва рассказывала, что она сначала не соглашалась на предложеніе оскопиться, и даже гоняла своего совратителя «ухватомъ», а потомъ, когда мужъ началъ угрожать ей, что если она не оскопится, онъ броситъ ее (она была бѣдная сирота), она не стала чуждаться совратителя, и послѣ настоячивыхъ преслѣдованій со стороны мужа согласилась на оскопленіе. Тотъ же оскопитель увлеченнымъ имъ жертвамъ о священникахъ Православной Церкви говорилъ, что «ихъ въ Россіи давно стали брить въ солдаты и немного ихъ уже осталось, а вотъ скоро будутъ брить и въ Сибири»³⁾. Въ 1845 году тульская крестьянка Ильина была обращена въ молоканство посредствомъ истязаній со стороны мужа⁴⁾.

1) «Правосл. Обзоръ», 1883 г. Мартъ. «Къ вопросу о русскомъ сектантствѣ». Стр. 580.

2) Ibidem., 563.

3) Ibidem.

4) Ibidem.

Прославляемые свѣтскою печатью штундисты совершаютъ также самыя дерзкія и фантастическія дѣйствія противъ Православія и православныхъ ¹⁾.

Этихъ примѣровъ, намъ думается, вполне достаточно, чтобы убѣдиться въ несправедливости похвалъ, которыя Толстой возсылаетъ всѣмъ безъ исключенія ересямъ и расколамъ.

IV.

Связь христіанскаго правоученія съ вѣроученіемъ. Важность христіанскихъ догматовъ. Что располагаетъ христіанъ вести нравственно-возвышенную жизнь? Можно ли сдѣлать людей истинно нравственными путемъ преподаванія имъ одного только нравственнаго ученія христіанской религіи? Опыты англійскихъ филантроповъ. Ихъ безуспѣшность. Культъ теофилантропіи въ Парижѣ въ 1796 году. Печальный конецъ этого культа. Правъ ли Толстой, утверждая, что догматы христіанской религіи не принесли людямъ ничего, кромѣ зла?—Заключеніе.

Указавши причины, способствовавшія мнимому извращенію христіанской религіи, Толстой переходитъ къ разсмотрѣнію самой религіи, какъ она исповѣдуется всѣми христіанами. Чему, спрашиваетъ себя Толстой, учитъ христіанство, понимая его, какъ ученіе какой бы то ни было церкви или всѣхъ церквей? Какъ хотите разбирайте, смѣшивая или подраздѣляя, но тотчасъ же все ученіе христіанское распадается на два рѣзкіе отдѣла: ученіе о догматахъ, начиная съ божественнаго Сына, Духа, отношенія этихъ лицъ, до евхаристіи съ виномъ или безъ вина, прѣснаго или кислаго хлѣба ²⁾, и на нравственное ученіе: смиренія, нестяжательности, чистоты тѣлесной и духовной, неосужденія и освобожденія отъ неволи узъ и миролюбія. Какъ ни старались учителя церкви смѣшивать эти двѣ стороны ученія, онѣ никогда не смѣшивались и, какъ масло отъ воды, всегда были врозь каплями большими или малыми. Замѣтьте, читатель, раньше Толстой утверждалъ, что христіанская Церковь съ тѣхъ поръ, какъ она вступила въ союзъ съ властію, «не требуетъ ничего, чтобы обязательно долженъ былъ дѣлать христіанинъ и отъ

¹⁾ Штундисты В. А. Моврицаго. «Правосл. Обзоръ», 1881 г., Февраль.

²⁾ Какъ видимъ, Толстой путается въ изложеніи догматовъ.

чего онъ долженъ бы былъ обязательно воздерживаться, если не считать постовъ и молитвъ самою церковью признаваемыхъ необязательными». Теперь же, какъ видимъ, онъ говорить совершенно другое: въ христіанской Церкви есть ученіе не объ однихъ только догматахъ, но и о томъ, какъ нужно жить. Какъ нужно смотрѣть на подобныя противорѣчія Толстого, объ этомъ пусть судить самъ читатель. Мы съ своей стороны займемся разборомъ той мысли Толстого, будто въ христіанской религіи ученіе о догматахъ и ученіе нравственное представляютъ изъ себя двѣ совершенно отдѣльныя стороны и не имѣютъ никакой между собой связи. По словамъ Толстого христіанскія церкви хотя и употребляли всѣ усилія, чтобы соединить догматическую сторону съ нравственной, однако не могли этого сдѣлать. Такое утвержденіе Толстого есть явная ложь. Нравственное ученіе христіанской религіи было бы совершенно непонятно безъ догматическаго. Возьмемъ основной принципъ христіанской нравственности именно: ученіе о безконечномъ духовномъ усовершенствованіи человѣческой личности. Имѣло ли бы это ученіе смыслъ, если бы христіанская религія не учила о личномъ Богѣ и личномъ безсмертіи. Какое значеніе имѣли бы тогда слова Спасителя: «Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть?» Какъ можетъ безличное существо, какимъ Толстой представляетъ Бога, служить примѣромъ нравственнаго совершенства? Какъ возможно вѣровать въ безконечное усовершенствованіе, если жизнь человѣка прекращается вмѣстѣ съ его смертію?...

Заповѣдь о любви къ ближнимъ Спаситель, какъ извѣстно, также излагаетъ въ связи съ любовью Бога къ людямъ. «Да будете сынами Отца вашего Небеснаго, ибо Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ» (Мѡ. 5, 36). А такъ какъ любовь Бога къ людямъ проявилась болѣе всего въ актѣ искупленія (Іоан. 3, 16; I Іоан. 4, 9—10; Рим. 8, 3; I Кор. I, 9; 2 Кор. 5, 18—19; Ефес. I, 3—10; Колос. I, 12—13), то послѣднее христіанская Церковь выставляетъ какъ самую главную основу христіанскаго ученія о любви ближ-

нимъ. Въ первомъ соборномъ посланіи Іоанна Богослова мы читаемъ: «Въ томъ любовь, что не мы возлюбили Бога, но Онъ возлюбилъ насъ, и послалъ Сына Своего въ умилоствленіе за грѣхи наши. Возлюбленные! Если такъ возлюбилъ насъ Богъ, то и мы должны любить другъ друга». (1 Іоан. 4, 10—11). Апостоль Петръ въ своемъ первомъ посланіи пишетъ: «Христосъ пострадалъ за насъ, оставивъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его». (1 Петр. 3, 21). Въ посланіи къ Римлянамъ Ап. Павелъ говоритъ: «Каждый изъ насъ долженъ угождать ближнему, во благо, къ назиданію, ибо и Христосъ не Себѣ угождалъ, но какъ написано: злословія злословящихъ Тебя пали на Меня» (Рим. 15, 2—3). А въ посланіи къ Ефесянамъ тотъ же Апостоль пишетъ: «Не оскорбляйте Святого Духа Божія, которымъ вы запечатлѣны въ день искупленія. Всякое раздраженіе, и ярость, и гнѣвъ, и крикъ, и злорѣчіе со всякою злобою да будутъ удалены отъ васъ; но будьте другъ къ другу добры, сострадательны, прощайте другъ друга, какъ и Богъ во Христѣ простилъ васъ». (Ефес. 4, 30—32).

Рѣшившись утверждать, что догматическое и нравственное ученіе христіанской религіи не имѣютъ между собою связи, и что всѣ христіане могутъ исповѣдывать только одно какое нибудь ученіе, Толстой старается рѣшить какое же ученіе болѣе важно для христіанъ. «По плодамъ, говоритъ онъ, можно заключить о томъ, какая сторона болѣе важная и, если можно сказать: «болѣе истинная», то какая болѣе истинна? Посмотришь на исторію христіанства, и ужасъ нападаетъ на тебя. Безъ исключенія съ самаго начала и до самаго конца, до насъ, куда ни посмотришь, на какой ни взглянешь догматъ, хоть съ самаго начала, — догматъ божественнаго Христа, — и до сложенія перстовъ, до причастія съ виномъ или безъ вина, плоды всѣхъ этихъ умственныхъ трудовъ, направленныхъ на разъясненіе догматовъ — злоба, ненависть, казни, изгнанія, побоища женъ и дѣтей, костры, пытки. Посмотришь на другую сторону нравственнаго ученія, — отъ удаленія въ пустыню для общенія съ Богомъ до обычая подавать калачи въ острогѣ, и плоды этого — всѣ наши понятія добра, все то радостное, утѣшительное, служащее намъ свѣточемъ въ исто-

ріи» Итакъ, исходя изъ того, что ученіе о догматахъ вызвало вражду между людьми и даже кровопролитія, Толстой заключаетъ, что догматы не только бесполезны для христіанина, но они даже вредны ¹⁾. Но логиченъ ли такой выводъ Толстого? Можно ли заключить, что догматы бесполезны и вредны на основаніи того, что споры о нихъ соединялись съ пытками и кострами? По нашему искреннему убѣжденію, Толстой, если бы разсуждалъ безпристрастно, долженъ былъ бы прійти къ выводу совершенно противоположному. Готовность людей принять смерть изъ за догматовъ ясно говоритъ намъ, что догматы не только не излишни, но дороги человѣку. Желаніе Толстого уничтожить всѣ христіанскіе догматы есть желаніе фантастическое, неисполнимое. Оно вытекаетъ изъ крайне поверхностнаго взгляда Толстого на религію. Людей подобныхъ Толстому ученіе о догматахъ всегда соблазняло. «Но кто знаетъ, говоритъ профессоръ Чичеринъ, связь отвлеченныхъ понятій съ самыми конкретными явленіями жизни, кому извѣстно вліяніе того, что не посвященнымъ умамъ представляется метафизическими тонкостями, на все міросозерцаніе человѣка, тотъ понимаетъ безконечную важность богословской науки. Примѣръ докажетъ это яснѣе всякихъ разсужденій. Въ своей исторіи паденія Римской имперіи Гиббонъ, рассказывая о спорахъ между православными и еретиками IV вѣка на счетъ естества Іисуса Христа, котораго одни признавали Единосущнымъ, а другіе — подобосущнымъ Богу Отцу, — выраженія отличающіяся на греческомъ языкѣ только одною буквою «і» (*ὁμοούσιος* и *ὁμοιούσιος*), говоритъ, что профанамъ всѣхъ вѣковъ казались нелѣпыми эти ожесточенныя и нерѣдко кровавыя распри изъ за одной буквы. И точно онѣ должны казаться какимъ то безуміемъ всякому, кто въ богословіи и метафизикѣ видитъ только пустыя отвлеченности. Но кому понятенъ смыслъ этого вопроса, тотъ знаетъ, что отъ одной этой буквы зависѣло все дальнѣйшее развитіе человѣчества. Признаніе Слова пободосущнымъ Силѣ

¹⁾ Какъ нужно смотрѣть на пытки и костры, которыми сопровождалась иногда споры людей изъ-за догматовъ, объ этомъ мы говорили раньше.

означало подчиненное значеніе Разума въ міросозданіи и въ человѣкѣ; напротивъ, признаніе Бога Сына единосущнымъ Отцу означало самобытное значеніе Разума, какъ Божественнаго Начала, въ мірѣ и въ жизни. Это послѣднее воззрѣніе было источникомъ совершенно новаго міросозерцанія, невѣдомаго древнему міру, міросозерцанія, которое влекло за собою неисчислимыя послѣдствія не только для религіи, но и для философіи, для нравственности, для права, для политики, — однимъ словомъ, для всей совокупности человѣческой жизни. То, что выражается здѣсь одною буквою, обозначаетъ переломъ во всемірной исторіи» ¹⁾.

Не менѣе поверхностно сужденіе Толстого и о нравственной сторонѣ христіанской религіи. Выставляя удаленіе въ пустыню и подачу калачей въ остроги, какъ явленія, служащія свѣточемъ въ исторіи, Толстой опускаетъ изъ виду, что какъ удаленіе въ пустыню, такъ и подача калачей въ остроги вытекаютъ непосредственно изъ исповѣданія людьми догматовъ христіанской религіи. Такъ, ближайшимъ побужденіемъ, располагающимъ людей удаляться въ пустыню, служитъ безъ сомнѣнія любовь ихъ къ Богу какъ къ личному Существоу. Уходя въ пустыню, аскеты тѣмъ самымъ хотѣли постоянно, такъ сказать, находиться въ единеніи съ Богомъ и въ духовной бесѣдѣ съ Нимъ. Даніилъ, монахъ Радоскій, описывая жизнь преподобнаго Іоанна Лѣствичника, говоритъ о немъ: «По истеченіи девятнадцатаго года онъ исходитъ на поприще безмолвія. Избравъ для своего подвига, въ пяти поприщахъ отъ храма Господня, уединенное мѣсто, именовавшееся Оула, сорокъ лѣтъ проводитъ тамъ въ трудахъ и возгорается божественною любовію, непрестанно распалемый ея огнемъ» ²⁾. Закончивъ свое краткое описаніе преподобнаго, Даніилъ говоритъ о немъ: «Да и вся жизнь его была непрестанная молитва и безпримѣрная любовь къ Богу; ибо днемъ и ночью созерцая Его, какъ въ зеркалѣ, въ чистотѣ,

¹⁾ «Наука и религія». Стр. 216—217.

²⁾ Преподобнаго Іоанна игумена Синайской горы Лѣствича. Москва. 1857 г. Житіе Іоанна, стр. V.

непорочности, не хотѣлъ, или точнѣе скажу, не могъ онъ насытиться симъ созерцаніемъ» ¹⁾.

Нашъ великій іерархъ Филаретъ на предполагаемое возраженіе противъ удаленія въ пустыню: не на всякомъ ли мѣстѣ можно поставлять Богу обитель въ душѣ и поклоняться Ему духомъ и истиною?» отвѣчаетъ: «На всякомъ мѣстѣ владычества Его благослови, душе моя, Господа (Псал. 102, 22). Но что же дѣлать, если сіе благословенное приглашеніе всюду и всегда благословлять Господа неуспѣшно повторяю въ душѣ моей, отъ того, что міръ въ то же время не переставая оглашаетъ и оглушаетъ ее своими разнообразными гласами требованій, прещеній, прельщеній, смущенія, развлеченія, нужды, заботъ, страстей, похотей, и она не находитъ довольно силы противоборствовать сему или утомленная противоборствомъ, жаждетъ приближаться къ Богу, безъ препятствій со стороны тварей, служить Ему безъ развлеченія?» ²⁾. Сознаніе постоянного единенія съ Богомъ миритъ аскетовъ и съ тѣми лишеніями, среди которыхъ имъ приходится проводить жизнь. Извѣстный нашъ писатель-беллетристъ В. И. Немировичъ-Данченко, посѣтивши въ 1882 г. Валаамскую пустынь, былъ пораженъ слишкомъ уединенною жизнію монаховъ. «Тишина какая то мертвящая, говоритъ онъ ³⁾, охватывала меня кругомъ, когда я изъ одного пустыннаго двора переходилъ въ другой. Жутко становилось здѣсь ⁴⁾, такъ жутко, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что совершенно понимаешь того аѳонскаго монаха, который какъ то попалъ сюда, думая остаться, и не выдержавъ — бѣжалъ, чуть не помѣшавшись, въ Угрѣшскій монастырь». Но когда Немировичъ-Данченко сказалъ одному монаху: «мрачно у васъ. Скучно», то послѣдній отвѣтилъ: «Съ Богомъ и въ лѣсу жизнь, а безъ Бога и въ раю соскучишься» ⁵⁾.

¹⁾ Ibid. стр. VIII.

²⁾ Слова и рѣчи. Ч. I, стр. 270.

³⁾ Впечатлѣнія свои Немировичъ-Данченко описалъ въ очеркахъ, подъ заглавіемъ «Крестянское царство». Эти очерки онъ помѣщалъ въ «Русской Мысли» за 1882 г.

⁴⁾ «Русская Мысль». 1882 г. Янв. Стр. 204.

⁵⁾ «Русская Мысль». 1882 г. Февр. Стр. 84.

Но любовь къ Богу ¹⁾ не единственное побужденіе располагавшее аскетовъ удаляться въ пустыни. «Всѣ, охотно оставившіе міръ, говоритъ Іоаннъ Лѣствичникъ, безъ сомнѣнія сдѣлали сіе ради будущаго царствія» ²⁾. И дѣйствительно, если бы аскеты не вѣрили въ загробную жизнь, и не надѣялись получить царство небесное, то удаленіе въ пустыню и борьба со страстями были бы совершенно безцѣльны. Къ чему нужно было бы имъ измощать свое тѣло, къ чему нужно было бы претерпѣвать всѣ лишенія, еслибы они думали, подобно Толстому, что все прекращается съ земною жизнію?

Подача калачей въ остроги, приводящая Толстого въ умиленіе, имѣетъ въ своей основѣ съ одной стороны вѣру людей во Христа, какъ въ Бога, а съ другой — надежду на будущую загробную жизнь. Нѣтъ сомнѣнія, что такъ называемая благотворительность есть дѣло чисто христіанское. Она стоитъ въ тѣсной связи съ слѣдующими словами Спасителя: «Такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ». (Мѣ. 25, 40). Доказывать эту непреложную истину едва ли нужно. Прошеніе нищими милостыни «ради Христа» — лучше всякихъ логическихъ доказательствъ. Но могли ли бы слова Спасителя быть для христіанъ убѣдительными, еслибы они не вѣрили въ Него, какъ въ Бога? Мы думаемъ, едва ли бы Толстой и всякій вообще моралистъ расположилъ людей къ благотворительности, если бы сказалъ имъ, что подаваніемъ, которое они будутъ дѣлать нищимъ, они окажутъ услугу ему — простому человѣку.

Но и одна вѣра во Христа, какъ въ Бога, не можетъ еще вполне расположить людей къ благотворительности. Подача калачей въ остроги, прославляемая Толстымъ, какъ одинъ изъ свѣточей исторіи, совершается людьми часто далеко не нравственными. Ожидать отъ нихъ совершенно безкорыстной ми-

¹⁾ Внутренніе мотивы, побуждавшіе людей удаляться въ пустыню и вести вообще аскетическій образъ жизни, прекрасно выясняются въ статьѣ О. О. Гусева «Изложеніе и критическій разборъ нравственнаго ученія Шопенгауэра, основателя современнаго философскаго пессимизма». Гл. IV. — «Прав. Обзоръ» 1877 г. Декабрь.

²⁾ Лѣствица. Стр. 4.

лостыни было бы излишне. Если они дѣлають добро, то дѣлають и изъ желанія получить прощеніе грѣховъ и удостоиться царствія Божія. Не будь въ христіанской религіи ученія о личномъ безсмертіи число благотворителей значительно бы сократилось ¹⁾.

Мысль Толстого сдѣлать людей нравственными путемъ преподаванія имъ одного только нравственного ученія Иисуса Христа есть не болѣе, какъ пустая мечта. Эту мечту имѣли многіе гораздо раньше его, но она никогда не приводила ни къ чему. «Когда дѣлають христіанство, говоритъ Александръ Вине, болѣе раціональнымъ на видъ, уничтожая ученіе объ искупленіи, то у него отнимають его силу». Это положеніе знаменитаго ученаго оправдано фактами. Англійскіе филантропы подъ руководствомъ Вильберфорса пробовали цивилизовать туземцевъ Западной Африки, не употребляя прямого религіознаго вліянія; опытъ не удался. Одинъ губернаторъ Канады точно также поступалъ съ индѣйцами; онъ не достигъ никакого результата. Опыты цивилизаціи безъ религіознаго элемента оказались безуспѣшными ²⁾.

Другіе возымѣли мысль употребить въ дѣло религію. но при этомъ начинали доктринами такъ называемой естественной религіи, намѣренно умалчивая о христіанскихъ догматахъ. Предпріятіе было начато въ Америкѣ учениками Вильяма и Пенна; оно приводилось въ исполненіе въ теченіе полутора столѣтія, но совершенно безуспѣшно. Одинъ миссіонеръ рассказывалъ, что онъ хотѣлъ слѣдовать тому же ме-

¹⁾ Дѣланіе добра изъ желанія только получить царство небесное, повидимому, носить на себѣ характеръ эгоистическій. Нѣкоторые моралисты, исходя изъ этого, и считают мораль христіанской религіи эгоистическою. Но подобный взглядъ не выдерживаетъ критики. Изъ того, что между христіанами есть люди, дѣлающіе добро единственно только изъ желанія получить блаженство, нельзя заключить, что и самая мораль христіанской религіи эгоистична. На ученіе Иисуса Христа о вѣчномъ блаженствѣ и вѣчномъ мученіи нужно смотрѣть не только какъ на побужденіе къ добру, а главнымъ образомъ какъ на указаніе конечной цѣли человѣческаго бытія. Было бы странно, если бы Иисусъ Христосъ, научая людей истинной жизни, не сказалъ имъ, къ чему приведетъ ихъ эта истинная жизнь. Впослѣдствіи въ своемъ сочиненіи «Основы христіанской этики» мы выяснимъ этотъ вопросъ подробно.

²⁾ Христосъ Э. Навила. Чтеніе четвертое.

тому. Онъ говорилъ одному язычнику о Богѣ, о провидѣніи и не достигъ никакого результата. По внезапному вдохновенію онъ открываетъ Новый Заветъ и читаетъ повѣствованіе о страданіяхъ Господа. Изъ глазъ дикаря полились слезы, и онъ былъ приобрѣтенъ для христіанства ¹⁾.

Точно также были неудачны и другіе опыты. Въ 1796 году въ Парижѣ появился культъ теофилантроповъ, который сводилъ свои предписанія къ двумъ слѣдующимъ правиламъ: «почитать Бога, любить людей», и который устранялъ Евангеліе въ собственномъ смыслѣ слова. Въ 1830 году основана была аббатомъ Шатель французская церковь, которая имѣла своимъ девизомъ: «законъ естественный, ничего кромѣ закона естественнаго; во всемъ законъ естественный», и которая была полной реакціей противъ христіанства. Въ 1834 году появилась церковь нѣмецкихъ католиковъ, въ которой самымъ выдающимся представителемъ былъ Жанъ Ронге, — котораго могли считать нѣкоторое время новымъ Лютеромъ, но который шелъ по дорогѣ, быстро приведшей его къ пантеизму. Всѣ эти опыты новыхъ культовъ имѣли одинаковую участь. Они удаляли изъ религіи идею промыслительнаго и искупительнаго дѣйствія Божества въ спасеніи людей. Вслѣдствіе этого за кратковременнымъ ихъ блескомъ послѣдовалъ быстрый упадокъ. Наконецъ они повели къ политическимъ волненіямъ. Вотъ, между прочимъ, какія подробности сообщаетъ Э. Навиль о культѣ теофилантроповъ.

«26 Нивоза ²⁾ V года (т. е. въ декабрѣ 1796) пять отцевъ семействъ собрались въ Парижѣ, въ улицѣ Сень-Дени № 34, и послѣ конференціи обнародовали манифестъ, въ которомъ читаемъ слѣдующее:

«Нѣкоторые отцы семействъ, убѣдившись, что религіозныя начала составляютъ единственное прочное основаніе хорошаго воспитанія, единственную узду для тайныхъ преступленій, лучшее утѣшеніе въ несчастіи и самое дѣйствительное

¹⁾ Ibid.

²⁾ Нивозъ (nivose отъ лат. nix, nivis—снѣгъ) четвертый мѣсяцъ по календарю, первый мѣсяцъ французской республики начинался съ 21 декабря.

поощреніе къ исполненію обязанностей, — соединились для того, чтобы отыскать средства спасти своихъ дѣтей отъ опасности иррелигіозности. Они разсудили, что таинственные культы имѣютъ много противниковъ, что большая часть молодыхъ людей, воспитанныхъ въ культѣ подобнаго рода, находясь въ свѣтѣ, не могутъ устоять противъ многочисленныхъ аргументовъ, которые на нихъ направляются, и что часто, отрекаясь отъ таинствъ, они въ то же время забываютъ религію и нравственность.

«Посему они рѣшили, что самое вѣрное средство противъ этого зла — внушить своимъ дѣтямъ принципы естественной религіи, которыхъ ни одинъ человѣкъ не можетъ отвергать, по крайней мѣрѣ, если онъ не безсмысленъ и не совсѣмъ испорченъ; что разъ они привыкнутъ вести себя по принципамъ этой религіи, которую уважаютъ всѣ народы, и которая есть основаніе всѣхъ культовъ, существующихъ на землѣ; то вѣроятно они никогда отъ нея не откажутся и будутъ такимъ образомъ честными людьми до послѣдняго издыханія».

Таковы свойства и цѣль этого предпріятія, изложенныя самымъ яснымъ образомъ. Дѣло шло о томъ, чтобы держаться символа (Credo) Робеспьера, который, по мнѣнію Руссо, былъ чистымъ продуктомъ разума, признаннаго всѣми народами! Такимъ образомъ надѣялись удержать въ области вѣры и возвратить въ нее тѣхъ, которыхъ таинства удаляютъ отъ религіи. Опытъ былъ добросовѣстный. Теофилантропы считали въ своей средѣ нѣсколько избранныхъ натуръ: Дюпона-де-Немуръ — этого мужественнаго человѣка, которому Людовикъ XVI въ мрачные дни революціи сказалъ слѣдующее: «Дюпонъ, васъ находятъ всюду, гдѣ въ васъ нуждаются», а также въ числѣ теофилантроповъ былъ достойный сочувствія авторъ «Павла и Варгиніи» Бернардень-де-Сень-Пьеръ. Секта эта находилась подъ покровительствомъ правительства. Ей позволили раздѣлять съ католиками пользованіе нѣсколькими парижскими церквами, а особенно Notre Dame (соборъ парижской Богоматери). Точно также въ ея пользу было назначено нѣсколько денежныхъ субсидій, какъ кажется, очень небольшихъ. Сначала въ новомъ культѣ было много членовъ. Но скоро

усердіе ослабѣло; храмы опустѣли; въ деньгахъ оказался недостатокъ; обнаружались внутренніе раздоры, и главный основатель этого учрежденія Шемень въ мемуарѣ, опубликованномъ имъ, съ грустію объявилъ слѣдующее: «Теофилантропія была исповѣдуема людьми, которыхъ не одушевляли ни любовь къ истинѣ, ни ревность къ добродѣтели, и которые оставили эту секту, какъ только убѣдились, что тамъ нельзя ни приобрѣсть денегъ, ни получить выгодныхъ мѣстъ» ¹⁾. Вотъ, такимъ образомъ, чѣмъ кончилась мечта теофилантроповъ. Когда однажды Ла-Ревельеръ спросилъ Таллейрана, какими средствами можно было бы распространить культъ теофилантропіи, то этотъ послѣдній сказалъ: «Иисусъ Христосъ для того, чтобы утвердить свою религію, былъ распятъ и воскресъ; попробуйте и вы сдѣлать что-нибудь подобное!...» ²⁾. Эти слова Таллейрана мы можемъ сказать и нашему новому богослову—Толстому.

Толстой, впрочемъ, не ограничивается тѣмъ только, что самъ лично отвергаетъ догматы христіанской религіи; онъ по своему обыкновенію старается доказать, что и Христосъ отрицаетъ догматы. «Заблуждаться тѣмъ, предъ глазами которыхъ не выразились еще ясно плоды того и другого, читаемъ мы, можно было, и нельзя было не заблуждаться. Можно было заблуждаться и тѣмъ, которые искренно вовлечены были въ эти споры о догматахъ, не замѣтивъ того, что они этими догматами служатъ дьяволу, а не Богу, не замѣтивъ того, что Христосъ прямо говорилъ, что Онъ пришелъ разрушить всѣ догматы; можно было заблуждаться и тѣмъ, которые, унаслѣдовавъ преданіе важности этихъ догматовъ, получили такое превратное воспитаніе умственное, что не могутъ видѣть своей ошибки; можно и тѣмъ темнымъ людямъ, для которыхъ догматы эти не представляютъ ничего, кромѣ словъ, или фантастическихъ представленій». Прежде чѣмъ разбирать взгляды

¹⁾ Gochon, Histoire de la theophilantropie. Paris. 1870 г. р. 26. «Христосъ» Э. Навиля. Чтеніе четвертое.

²⁾ Первая французская революція и церковь. «Православн. Обзорѣн.» 1878 г. Апрель. Стр. 656—657.

Толстого на отношеніе Іисуса Христа къ догматамъ, мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателя съ тѣми сужденіями, которыя Толстой высказалъ объ ученіи Христа въ своемъ сочиненіи «Въ чемъ моя вѣра?» Вотъ эти сужденія: «Ученіе Христа, какъ и всякое религіозное ученіе, заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: 1) ученіе о жизни людей—о томъ, какъ надо жить каждому отдѣльно и всѣмъ вмѣстѣ—этическое, и 2) объясненіе почему людямъ надо жить именно такъ, а не иначе—метафизическое ученіе. Одно есть слѣдствіе и вмѣстѣ причина другого. Человѣкъ долженъ жить такъ потому, что таково его назначеніе, или назначеніе человѣка таково, и потому онъ долженъ жить такъ. Эти двѣ стороны всякаго ученія находятся во всѣхъ религіяхъ міра. Такова религія Браминъ, Конфуція, Будды, Моисея, такова же и религія Христа. Она учитъ жизни, какъ жить, и даетъ объясненіе, почему именно надо такъ жить. Но какъ было со всѣми ученіями: браманизмомъ, іудеизмомъ, буддизмомъ, такъ было и съ ученіемъ Христа. Люди отступаютъ отъ ученія о жизни, и изъ числа людей являются такіе, которые берутся оправдать это отступленіе; люди эти, садящіеся, по выраженію Христа, на сѣдалище Моисея, разъясняютъ метафизическую сторону ученія, такъ что этическія требованія ученія становятся необязательными и затемняются внѣшнимъ богопочитаніемъ—обрядами. Это явленіе обще всѣмъ религіямъ, но никогда, мнѣ кажется, это явленіе не выразилось съ такою рѣзкостью, какъ въ христіанствѣ. Оно выразилось особенно рѣзко потому, что ученіе Христа есть самое высшее ученіе; а самое высшее оно потому, что метафизика и этика ученія до такой степени неразрывно связаны и опредѣляются одна другою, что отдѣлить одну отъ другой нельзя, не лишивъ все ученіе его смысла и еще потому, что Христово ученіе есть само по себѣ протестантизмъ, то есть, отрицаніе не только обрядовыхъ постановленій іудаизма, но и всякаго внѣшняго богопочитанія. И потому въ христіанствѣ разрывъ этотъ долженъ былъ уже совершенно извратить ученіе и лишить его всякаго смысла. Такъ оно и было». Какъ видимъ, здѣсь Толстой не только не отрицаетъ догматической стороны въ

ученіи Христа, хотя и называетъ ее метафизикой, а, напротивъ, считаетъ ихъ одну безъ другой немислимыми ¹⁾. Въ «Новомъ Евангеліи» онъ перечисляетъ и догматы, которые, будто бы преподавалъ Иисусъ Христосъ. Эти догматы слѣдующіе: Въ основѣ всего лежитъ духъ безначальный и безконечный ²⁾. Сущность его есть разумѣніе вообще, и въ частности разумѣніе жизни ³⁾. Какъ разумѣніе, онъ есть свѣтъ истины, какъ разумѣніе жизни, онъ основа и начало всякой жизни и источникъ жизни истинной ⁴⁾. Отношеніе безконечнаго духа къ міру нельзя представлять отдѣльнымъ отъ міра, находящимся внѣ и выше его. Онъ не отдѣленъ отъ міра, міръ свой для него, и онъ всегда былъ въ немъ, какъ свѣтъ разумѣнія міръ потому только и существуетъ, потому только и жилъ, что всегда имѣлъ и имѣетъ въ себѣ духа безконечнаго ⁵⁾. Точно такое же отношеніе безконечнаго духа къ человѣку; онъ не внѣ человѣка, а въ немъ ⁶⁾. То, что мы называемъ душою, и есть духъ безконечный или что то же Богъ ⁷⁾. Такимъ образомъ души людей тождественны съ Богомъ. Тождественны онѣ и между собою. Люди представляютъ себя отдѣльными существами; каждый считаетъ себя отдѣльной единицей съ своей особенной волей жизни; но это только обманъ. Та есть истинная жизнь, которая признаетъ началомъ жизни волю безконечнаго духа. Жизнь представляетъ изъ себя не отдѣльные побѣги, а единое дерево, на которомъ растутъ всѣ побѣги ⁸⁾. Будучи по плоти сынами человѣческими, люди въ то же время могутъ быть названы сынами Божиими по духу ⁹⁾. Сыновство свое съ безконечнымъ духомъ, или другими словами, тождество съ нимъ чувствуютъ всѣ люди, но не всѣ

¹⁾ Здѣсь мы попросимъ читателя припомнить еще слѣдующее, недавно приведенное сужденіе Толстого объ ученіи Христа: «Какъ хотите, разбирайте, смѣшивая или подраздѣляя, но тотчасъ же все ученіе христіанское распадается на два рѣзкіе отдѣла: ученіе о догматахъ и нравственное ученіе. Какъ ни старались учителя Церкви смѣшивать эти двѣ стороны ученія, онѣ никогда не смѣшивались и какъ масло отъ воды всегда были врозь каплями большими или малыми.

²⁾ «Новое евангеліе», гл. III.

³⁾ Ibid. гл. VII. ⁴⁾ гл. VII, XI и др. ⁵⁾ гл. III. ⁶⁾ гл. I, III и др. ⁷⁾ гл. III. ⁸⁾ гл. XI. ⁹⁾ гл. VII.

ясно сознають ¹⁾. Задача жизни человека состоитъ въ томъ, чтобы сознать, подобно Конфуцію, Буддѣ и др., свое тождество съ Богомъ, возвысить свой духъ надъ плотію, подчинить свое животное «я» «я» разумному ²⁾.

Такимъ образомъ, Толстой, утверждая, что Иисусъ Христосъ уничтожилъ всѣ догматы, говоритъ самъ противъ себя. Толстому слѣдовало бы сказать такъ: Христосъ отмѣнилъ всѣ догматы ветхозавѣтной религіи и ввелъ вмѣсто нихъ свои догматы. Но справедливо ли Толстой утверждаетъ, что Иисусъ Христосъ разрушилъ всѣ ветхозавѣтные догматы? Изъ Евангелія мы узнаемъ совершенно иное. Выступая на проповѣдь, онъ ясно объявилъ Іудеямъ, что Онъ пришелъ не разрушить законъ Моисеевъ, но исполнить его. «Не думайте, что я пришелъ нарушить законъ или пророковъ; не нарушить пришелъ я, но исполнить. Ибо истинно говорю вамъ: доколѣ не прейдетъ небо и земля, ни одна іота или ни одна черта не прейдетъ изъ закона, пока не исполнится все» (Мѡ. 5, 17—18). И мы, дѣйствительно, видимъ, что Иисусъ Христосъ постоянно училъ о личномъ Богѣ, о Божіемъ промыслѣ, о безсмертіи души и личномъ воскресеніи, о бытіи ангеловъ, о дѣйствиі злыхъ духовъ и пр. Всѣ эти догматы суть догматы еврейской религіи. Мало того, Иисусъ Христосъ исполнялъ, какъ мы видѣли раньше, и ветхозавѣтные обряды. Говорить поэтому, что Иисусъ Христосъ низвергъ ветхозавѣтные догматы и установилъ догматы пантеистической религіи, это значить говорить явную ложь. Такой лжи не осмѣливался еще произносить ни одинъ врагъ христіанской религіи.

Какія основанія Толстой представляетъ въ доказательство того, что догматы христіанской религіи вредны для людей, мы уже говорили. И дальнѣйшія слова его, которыя представляютъ изъ себя не что иное, какъ повтореніе стараго, мы могли бы смѣло опустить. Но вѣрные своему обѣщанію выставить всѣ доводы, какіе только выставляетъ Толстой, противъ церкви, мы приведемъ и эти слова. «Но намъ, говоритъ Толстой, для

¹⁾ Ibid. гл. III. ²⁾ гл. VIII, а также «Понятіе жизни» — Русск. Вѣд., 1887 г. № 78 и «Нов. Время» № 3973.

которыхъ открыть смыслъ Евангелія, отрицающаго всякіе догматы, намъ, имѣющимъ предъ глазами плодъ въ исторіи этихъ догматовъ, намъ нельзя уже ошибаться. Исторія для насъ провѣрка истинности ученія, провѣрка даже механическая. Догматъ непорочнаго зачатія Богородицы, нуженъ онъ или нѣтъ? ¹⁾ Что отъ него произошло? Злоба, ругательства, насмѣшки. А польза была? Никакой. Ученіе о томъ, что не надо казнить блудницу, — нужно оно, или нѣтъ? Что отъ него произошло? Тысячи и тысячи разъ люди были смягчены этимъ напоминаніемъ». Итакъ Толстой признаетъ пользу за нравственнымъ ученіемъ Христа, но опускаетъ изъ вниманія то обстоятельство, что нравственное ученіе Спасителя вытекаетъ изъ догматическаго, и что безъ послѣдняго Евангельская проповѣдь никогда бы не сдѣлала благотворнаго переворота въ мірѣ. Толстой въ данномъ случаѣ уподобляется дитяти, которое, любуясь во время лѣта зеленью луговъ и красотою цвѣтовъ, выражаетъ въ то же время желаніе, чтобы не было солнца, которое такъ сильно печетъ, и дождей, которые служатъ причиною того, что его заставляютъ сидѣть дома. Разсуждая по законамъ Толстовской же логики, и нашъ темный людъ такъ сильно нападаетъ на науку и въ то же время хвалитъ нѣкоторые полезныя для него научныя открытія, какъ на примѣръ пароходы, желѣзныя дороги и проч.

Совершенно неправильно Толстой доказываетъ и ту мысль, будто съ догматами христіанской религіи никто изъ христіанъ несогласенъ, между тѣмъ какъ съ нравственнымъ ученіемъ всѣ согласны. Вотъ подлинныя слова Толстого: «Другое: въ догматахъ, какихъ бы то ни было, всѣ согласны? Нѣтъ. Въ томъ, чтобы просящему дать? Всѣ. И вотъ первое—догматы, въ чемъ никто не согласенъ, что никому не нужно, что губить людей, это то, іерархія выдавала и выдаетъ за вѣру, — а второе, то, въ чемъ всѣ согласны, что всѣмъ нужно и что спасаетъ людей, этого, хотя и не смѣла отрицать іерархія, но не смѣла и выставить, какъ ученіе, ибо это ученіе отрица-

¹⁾ Догмату о непорочномъ зачатіи Богородицы не придаетъ слишкомъ большаго значенія и сама православная Церковь.

ло ее самое». По нашему мнѣнію, между христіанами можно найти болѣе согласныхъ въ догматахъ исповѣдуемой ими религіи, чѣмъ въ нравственномъ ученіи. Такъ въ догматахъ о троичности лицъ въ Богѣ, о Божествѣ Иисуса Христа, о воскресеніи Его изъ мертвыхъ сомнѣваются только немногіе; ученіе же о томъ, что не надо казнить блудницу, что не надо отплачивать врагу, что не надо отказывать никакому просящему очень многими оспаривается. Да и не самъ ли Толстой въ одномъ изъ своихъ сочиненій¹⁾ доказывалъ бесполезность частной благотворительности? Не самъ ли онъ утверждалъ, что частною благотворительностью можно испортить нравственность людей, а не исправить? Правда, Толстой можетъ выставить въ свое оправданіе то, что онъ ратуетъ только противъ формы благотворительности, а не противъ самой благотворительности. Но мы скажемъ на это слѣдующее: если Толстой желаетъ поставить христіанскую мораль на научную почву, и хочетъ выяснить христіанамъ духъ нравственнаго ученія Спасителя, то онъ долженъ быть всегда послѣдовательнымъ себѣ. Вѣдь подача калачей—то же частная благотворительность, а между тѣмъ онъ считаетъ ее свѣточемъ исторіи и видитъ въ ней одно изъ условий,—способствовавшихъ смягченію нравовъ...

Мы кончили разборъ сочиненія Толстого.

Предоставляемъ читателю судить о томъ, насколько наша критика основательна. Мы же съ своей стороны не можемъ не высказать тѣхъ мыслей, на которыя навело насъ разбираемое нами сочиненіе Толстого. Для чего пишутся подобныя сочиненія? Какая ихъ цѣль? Поколебать въ людяхъ вѣру въ богооткровенность христіанской религіи? Но благородна ли такая цѣль? Къ чему отнимать у людей единственную для нихъ отраду—вѣру? Къ чему стараться обрекать ихъ на мученіе!... Неужели лица, подобныя Толстому, не понимаютъ, что съ лишеніемъ вѣры во Христа какъ въ Бога, человекъ теряетъ всякую опору въ жизни? Мы не могли бы ничего, конечно, сказать, если бы богооткровенность и истинность хри-

¹⁾ «Мысли, вызванныя переписью». См. 12 томъ сочиненій Толстого.

стіанской религіи была опровергнута. Тогда всѣхъ лицъ, ратующихъ противъ христіанской религіи, нельзя бы было называть иначе, какъ благородными. Но кто доказалъ намъ, что воскресеніе Христа есть мнѣ? Кто убѣдилъ насъ, что вѣра въ загробную жизнь есть обманъ? Пусть попытаются разрушить сначала основу христіанской религіи и тогда уже подписываютъ изгнаніе послѣдней. Благородно ли называть обманомъ то, истинность чего никѣмъ не опровергнута? Благородно ли возбуждать людей противъ неопровергнутой истины, когда сознаешь, что эта истина доставляетъ имъ счастье? Мы не можемъ назвать подобныхъ возмутителей иначе, какъ людьми въ высшей степени безсердечными... Грустно становится на душѣ при мысли о ихъ дѣйствіяхъ... Но прискорбнѣ всего то, что этихъ людей слушаютъ и довѣряютъ имъ.

О П Е Р А Т И В

Суб.	Субота	Народному	Субботе
24	18 снз	восток	восток
24	18 снз	на западе	на западе
—	8 снз	восток	восток
87	8 снз	восток	восток